его непохожим на других поклонников [9]. Существует ряд версий, пытающихся объяснить, почему эти романы не имели счастливого завершения. Одна из них, открывшаяся публикациями в «Огоньке» (1968) В. Воронцова и А. Колоскова, поддержанная в выступлениях В. Макарова и по-новому развернутая недавно в серии статей В. Скорятина, сводится к тому, что любовь и интимная жизнь Маяковского каждый раз рушилась благодаря вмешательству Бриков.

О том, что Л. Ю. Брик следила за увлечениями Маяковского и стремилась, чтобы они не заходили далеко, пишут и лица, которым чужды подобные взгляды. Так, Р. Якобсон первым обратил внимание на роль Маяковского в жизни Бриков как «кормильца семьи» [23] [10]. В то же время Б. Янгфельдт придает определенное значение тому, что, открывая свое сердце другим женщинам, Маяковский рассказывал им о своем чувстве к Л. Ю. Брик. Думается, однако, что ни впечатления, производимые этими словами, ни психологический комплекс, державшийся в сознании Маяковского, не являлись подлинной причиной, разрушавшей вновь возникавшие чувства и отношения.

Что касается Э. Джонс (Нью-Йорк, 1925) и Н. Брюханенко (1927), то правы, по-видимому, авторы, считающие, что они не оставили глубокого следа в сердце поэта. Это подтверждается и отсутствием посвященных им произведений. Заметим, что во время недолгих встреч с Элли Джонс роли впервые как бы поменялись. И «сейсмограф» стиха Маяковского зарегистрировал это. Вместо знакомых просьб, заклинаний, призывов появились не привлекающие обычно к себе внимания строки, проникнутые мужской гордостью от одержанной в Нью-Йорке победы: «Мы целуем — /беззаконно! — /над Гудзоном//ваших длинноногих жен» [4, т. 7, с. 74].

Иначе проявилось чувство к Т. Яковлевой, вспыхнувшее в Париже. Тридцатипятилетний поэт решил соединить в 1928 г. свою судьбу с молодой девушкой. На настойчивые призывы стать его женой она отвечала уклончиво. Нахлынувшее на Маяковского чувство породило уже знакомый нам комплекс чувств — светлых надежд и сомнений, настойчивых требований и неуверенных просьб, терпеливого ожидания и тоскливой тревоги. После отъезда Маяковского в Москву письма и телеграммы в Париж сыплются как из рога изобилия: «...Работать и ждать тебя — это единственная моя радость»; «Тоскую по тебе совсем неизбывно»... Отношение Т. Яковлевой к Маяковскому было непростым. Она выделяла его среди других поклонников, но ее настораживала, в частности, чрезмерная его активность. Так, она сообщает Э. Триоле (28 декабря 1928 г.) в Лондон: «...Из Москвы получаю письма — ходит по моим знакомым с приветом от меня (я не поручала). Сестру мою разыскал в первый же день».

Два стихотворения 1928 г., посвященные Т. Яковлевой, были, по мнению Б. Янгфельдта, «первой позитивной любовной лирикой после поэмы „Люблю“». Но если пафос одного из них действительно в том, что «опять в работу пущен сердца выстывший мотор», то в «Письме Татьяне Яковлевой» (впервые опубликовано в 1956 г.) надежда на счастливую любовь переплетается с давно знакомыми мотивами: «Глупых слов/не верь сырью,//не пугайся/этой тряски,// — я взнуздаю, я смирю//чувства/отпрысков дворянских» [4, т. 9, с. 387]. Как и в отношениях с Шамардиной, Денисовой, Брик, жажда счастья и сомнение в его осуществимости, «радость неиссыхаемая» надежды и трагическое предчувствие возможного поражения вновь оживают в душе и стихах поэта-романтика. Весть о том, что Яковлева вышла замуж, была тяжким ударом для Маяковского. Его любовная лодка получила еще одну сильную пробоину и накренилась. Заметим в этой

[9] Так, по свидетельству Патриции Томпсон, ее мать, увидев Маяковского впервые в 1923 г. на поэтическом вечере в Москве, «была поражена и очарована этим большим красивым человеком, великолепно читавшим стихи» [22, с. 40]. Искреннее восхищение Маяковским, человеком и поэтом, содержатся в воспоминаниях Н. Брюханенко и В. Полонской, в письмах Т. Яковлевой матери.

[10] Определенно высказался и Б. Янгфельдт: «Самоочевидно, что Л. Ю. и О. М. не хотели, чтобы Маяковский женился на Т. А. Яковлевой. Их отношения основывались на том, что они жили вместе. Но женитьба Маяковского на Татьяне Яковлевой означала бы конец их совместной жизни...» [18, с. 36].